„Пров 49“

Изданіе Группы „ХЛѢБЪ и ВОЛЯ“.

1 экз
Анархисты
Кропоткин

П. КРОПОТКИНЪ.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

1905.

(=)
Пров 47
Бибиотека Академии Наук
ПР
234 Анархисты
44 Кропоткин
„Пров 49“
Пр
66

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Что Россія вступила, наконецъ, въ періодъ *революціи*, въ этомъ, въ настоящую минуту, уже не можетъ быть сомнѣнія. Не *бунтъ*, не *возстаніе* предстоитъ намъ теперь въ Россіи, а *революція*, подобная той, которую Англія пережила въ 1648 — 1655-мъ, а Франція въ 1788 — 1793-мъ годахъ: революція, которая позволитъ намъ провести въ жизнь многое изъ того, что было намѣчено девятнадцатымъ вѣкомъ.

Когда толпы русскихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ Степана Разина, возстали въ 1671-мъ году противъ крѣпостного ига и государственной власти, наложенныхъ на нихъ первыми двумя Романовыми (Михаиломъ и Алексѣемъ), — Разинъ прекрасно понялъ, что ему слѣдуетъ дойти до Москвы и, какъ онъ выразился, „погулять тамъ, на верху, у бояръ,“ чтобы добиться чего нибудь прочнаго. Къ сожалѣнію, ему не удалось дойти до Москвы, а потому власть бояръ и царя осталась нетронутою. Крѣпостное иго, церковная расправа, боярская сила и царское самовластіе, какъ были, такъ и остались. И мы говоримъ теперь, что бунтъ Степана Разина не удался. Это былъ *бунтъ*, *возстаніе*, но не революція.

Тоже случилось сто съ лишнимъ лѣтъ спустя, съ Пугачевымъ. Опять крестьяне и уральскіе казаки возстали противъ помѣщиковъ, поповъ и чиновниковъ, и ихъ воз-

станіе прошло широкою полосою по всей восточной Россіи. Много помѣщиковъ было перебито, много чиновниковъ было казнено; но опять-таки дальше Казани Пугачевъ не дошелъ, и послѣ отчаянныхъ сраженій на Уралѣ, онъ былъ разбитъ войсками Екатерины.

И опять крѣпостное иго не было уничтожено. Помѣщики, церковные попы и чиновники остались въ прежней силѣ: царская власть осталась нетронута, и царица Екатерина со своими чиновниками продолжала безчинствовать надъ русскимъ народомъ. И вотъ опять мы говоримъ, что подъ руководствомъ Пугачева произошло большое *возстаніе* крестьянъ; но это возстаніе нельзя назвать революціей. Правда, что перебивши многихъ помѣщиковъ, крестьяне задали остальнымъ такую острастку, что они стали гораздо тише, и даже девяносто лѣтъ спустя помѣщики и дворяне дрожали, какъ только проносился слухъ о крестьянскихъ волненіяхъ.

Несмотря на пораженіе, Пугачевщина принесла несомнѣнную пользу крестьянамъ: она подготовила ихъ освобожденіе въ 1861-мъ году. Но до революціи она, къ сожалѣнію, не дошла.

* * *

А между тѣмъ, когда лѣтъ пятнадцать спустя, во Франціи начались такія же крестьянскія возстанія, они разрослись до того, что изъ нихъ вышелъ глубокій общественный переворотъ, и этотъ переворотъ всѣ зовутъ *великой революціей*. Въ чемъ же разница между тѣмъ и другимъ?

Разница вотъ въ чемъ. Началась французская революція, въ 1788-мъ году, тоже крестьянскими бунтами. Раньше того, крестьяне волновались въ одиночку. Теперь-же, во многихъ частяхъ Франціи они стали приходить гурьбою къ помѣщикамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они отка-

зались отъ своихъ правъ на оброкъ, на барщину, и на всякія повинности натурою; они жгли уставныя грамоты, въ которыхъ оброки и повинности были прописаны. Они брали назадъ мірскую землю, которую помѣщики забрали у нихъ обманомъ и силою въ прежнія времена. А если помѣщикъ отказывался признать все это добромъ, они овладѣвали его усадьбой, жгли ее, а не то убивали и самаго помѣщика.

Такимъ образомъ, Пугачевское возстаніе и крестьянскіе бунты во Франціи были схожи. Но вотъ гдѣ начинается разница: во Франціи, города тоже взбунтовались и поддержали крестьянъ, а въ Россіи — нѣтъ.

У насъ въ городахъ, — въ Москвѣ, Тулѣ, Казани и другихъ, мастеровые и всякіе рабочіе толковали промежъ себя: — „Вотъ придетъ Пугачъ, тогда мы зададимъ господамъ!“ да такъ и протолковали, поджидая Пугача, вмѣсто того чтобы самимъ возставать повсемѣстно въ городахъ противъ господъ, чиновниковъ и царскихъ слугъ. А тѣмъ временемъ дворяне и царскіе прислужники собрали войско, послали его противъ Пугачева, разбили его, взяли его въ плѣнъ, и стали жечь и вѣшать и терзать крестьянъ.

Во Франціи же — въ Парижѣ и во многихъ другихъ городахъ, народъ не сталъ ждать пока крестьяне придутъ изъ деревень. Рабочіе и мастеровые сами собирались, сговаривались и возставали. Въ Парижѣ напримѣръ, самый бѣдный рабочій народъ вооружился самодѣльными пиками, косами — чѣмъ попало — и кончилъ тѣмъ, что двинувшись громадною дружною толпою до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, взялъ королевскую крѣпость, Бастилію. Такія же возстанія были по всѣмъ городамъ, большимъ и малымъ. Рабочіе и мастеровые возставали, брали арсеналы; вооружались, какъ могли, и прогоняли всякое начальство.

Кромѣ того, происходило еще вотъ что. Къ этому времени, т. е. къ концу восемнадцатаго вѣка, среди французскаго дворянства, купечества и вообще среди зажиточнаго городского населенія, а также среди образованныхъ людей всѣхъ классовъ, настолько развился духъ независимости, что королевская власть и власть королевскихъ чиновниковъ стала противна всѣмъ, — точно такъ же какъ теперь у насъ царская власть и власть царскихъ чиновниковъ стала противна всякому человѣку, у кого душа не холопская. Всѣ они давно уже высказывали свое недовольство противъ короля и его придворныхъ, но дѣйствовать не рѣшались. Теперь, пользуясь крестьянскими волненіями, они стали смѣлѣе въ своихъ требованіяхъ, и въ 1789-мъ году, въ самый разгаръ крестьянскихъ волненій, они стали вооружаться, съ цѣлью ограничить власть короля, его придворныхъ и его чиновниковъ. Они потребовали и добились созыва Земскаго Собора, ставшаго вскорѣ Учредительнымъ Собраніемъ, а также широкаго мѣстнаго самоуправленія въ губерніяхъ и по городамъ; а такъ какъ одни они не въ силахъ были бы бороться съ королемъ, то они охотно поощряли народныя возстанія въ городахъ.

Сила короля была такимъ образомъ подрѣзана. Такъ какъ противъ короля поднялась буржуазія, то онъ уже не могъ свирѣпо усмирять крестьянскіе и городскіе бунты, какъ это дѣлалось въ былое время; а крестьянскіе бунты, съ другой стороны, мѣшали королю раздавить тѣхъ, кто хотѣлъ ограничить его власть. Рабочій народъ, въ особенности крестьяне, и воспользовались этимъ раздѣленіемъ власти, чтобы захватывать земли и уничтожать все что оставалось отъ крѣпостныхъ порядковъ.

Такъ прошло четыре съ лишнимъ года въ постоянной борьбѣ, и въ это время совершилась полная ломка всѣхъ старыхъ порядковъ. Народъ привыкъ быть вольнымъ; и

когда волненія улеглись, Франція вышла изъ нихъ совсѣмъ новой страной. Да и вся Европа почувствовала толчокъ данный Франціею. Оттого мы и говоримъ, что во Франціи произошелъ тогда не бунтъ, не возстаніе, а совершилась великая революція.

Крестьяне и рабочіе широко воспользовались ссорою между господами и королемъ, чтобы сбросить съ себя всякіе остатки и пережитки крѣпостного ига, которыхъ полна была Франція (какъ полна теперь Россія). Всякіе оброки и поборы, барщина и повинности натурою были уничтожены навсегда, и помѣщики не получили за нихъ никакого выкупа. Громадное количество земель перешло въ руки крестьянъ, особенно во владѣніе крестьянскихъ общинъ. Изъ страны бѣдной, голодавшей, чуть не нищенской (какъ Россія), Франція быстро стала, сравнительно со своими сосѣдями, зажиточною страною. Толпы нищихъ, ходившихъ цѣлыми деревнями (какъ ходятъ теперь наши крестьяне, собирая „кусочки"), исчезли. Голодовки прекратились. И въ тѣхъ частяхъ Франціи, преимущественно восточной, гдѣ крестьяне бунтомъ уничтожили крѣпостные порядки, создалось нѣкоторое сравнительное благосостояніе въ деревняхъ. Мало того, революціонныя арміи французской республики пошли уничтожать крѣпостное право по всей Европѣ: въ Испаніи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Австріи и даже въ Пруссіи.

Королевскому самодержавію былъ навсегда положенъ конецъ во Франціи. Съ тѣхъ поръ, оно никогда не могло вернуться у французовъ, даже при Наполеонѣ. И опять таки революція нанесла ударъ королевскому самовластію повсемѣстно въ Европѣ.

Власть Церкви, которая была страшно велика передъ тѣмъ, была подорвана разъ навсегда, послѣ того какъ у поповъ и у монастырей отняли всѣ ихъ имущества. И опять-таки французскія арміи санъ-кюлотовъ („голопятан-

ныхъ", какъ ихъ прозвали господа дворяне и купцы) подорвавъ церковную власть, навсегда уничтожили „святую" инквизицію въ Италіи и въ Испаніи.

Весь девятнадцатый вѣкъ въ Европѣ сталъ осуществленіемъ идей, намѣченныхъ французской революціей.

И наконецъ, столько идей свободы *и особенно равенства* было распространено во время революціи во французскомъ народѣ, что Франція стоитъ съ тѣхъ поръ впереди всѣхъ націй по развитію и приложенію къ жизни соціалистическихъ и анархическихъ понятій. Франція пережила революцію 1848-го года и Парижскую Коммуну 1871-го года, и уже вырабатываетъ новыя формы коммунистической жизни.

* * *

Вотъ, стало быть, разница между революціей и простымъ бунтомъ. Возстаніе можетъ принять иногда очень свирѣпый характеръ, особенно когда оно имѣетъ экономическій смыслъ. Такъ было во время Пугачевщины, такъ бываетъ во время большихъ американскихъ стачекъ. Но если оно не парализуетъ государственную машину въ самомъ ея центрѣ, оно остается возстаніемъ, бунтомъ, но не становится революціей. Государство, если оно сохранило свою силу, скоро задавитъ возстаніе. Эксплуатація, конечно, становится мягче послѣ всякой такой встряски, но самая ея суть остается нетронутой.

Тоже самое бываетъ, если возстаніе имѣло только политическую цѣль. Форма правленія иногда можетъ быть измѣнена и безъ большихъ потрясеній. Такъ было, напримѣръ, въ Пруссіи въ 1848-мъ году, когда, напуганный громомъ всеобщей европейской революціи, валившей престолы, какъ карточные домики, Прусскій король поспѣшилъ дать конституцію, послѣ небольшого бунта въ

Берлинѣ. Но нечего и говорить, что такая дешево добытая перемѣна оказалась ничтожною по содержанію. Впродолженіе двадцати-двухъ лѣтъ (вплоть до французской войны), прусская конституція служила посмѣшищемъ въ Европѣ, такъ какъ прусскій король, а впослѣдствіи Бисмаркъ, распоряжались, какъ хозяева, не обращая никакого вниманія на ихъ холопскій парламентъ. Оно и понятно. Въ Берлинѣ былъ *бунтъ* — не болѣе, а революцію Германія ждетъ еще до сихъ поръ.

Революція, такимъ образомъ, всегда слагается изъ двухъ элементовъ, которыхъ совпаденіе и производитъ революцію: съ одной стороны, широко разлившееся *народное возстаніе*, въ деревняхъ и городахъ, производящее переворотъ въ хозяйственномъ ихъ положеніи. А съ другой стороны, одновременно съ этимъ *борьба правящихъ классовъ между собою изъ-за власти въ государствѣ*. Эта борьба поражаетъ силу государства въ самомъ его центрѣ; она не даетъ создаться сильному правительству; а тѣмъ временемъ народъ имѣетъ возможность произвести по городамъ и деревнямъ полную ломку всего стараго хлама государственныхъ учрежденій. Революціонеры изъ народа разрушаютъ экономическій гнетъ, который опирался на государство; они широко сѣютъ понятія о равенствѣ людей, они съ корнемъ вырываютъ холопство, которымъ держится Государство, Церковь и Капиталъ; они совершаютъ переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ между людьми, переворотъ въ самыхъ мысляхъ людей.

Такъ бывало всегда до сихъ поръ. И мы утверждаемъ, что Россія, въ настоящую минуту вступаетъ въ періодъ *своей великой революціи*. Послѣ Англіи, послѣ Франціи — нашъ чередъ.

Вотъ это и должны понять прежде всего тѣ, кто хочетъ дѣйствовать съ пользою въ настоящую минуту.

Намъ предстоитъ совершить не государственный переворотъ, не простой переходъ отъ самодержавія къ конституціи. Обстоятельства такъ сложились, что русскому народу предстоитъ совершить *великую революцію*, т. е. въ корень измѣнить всю суть своей хозяйственной и политической жизни.

* *
*

Что сила самодержавія подорвана въ Россіи, и что представительное правленіе, монархическое или республиканское, т. е. Земскій Соборъ или Народное Собраніе, неизбѣжно должно вскорѣ заступить мѣсто царскаго самовластья — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Но не только это, а несравненно больше предстоитъ совершить русскому народу. Настало время, когда онъ можетъ произвести глубокій экономическій переворотъ, чтобы выйти, наконецъ, изъ того отчаяннаго, нищенскаго состоянія, въ которомъ онъ коснѣетъ до сего времени.

Наши буржуазные революціонеры стараются увѣрить насъ, что главное дѣло теперь въ Россіи это — заставить царя созвать Народное Собраніе. Одни хотятъ этого добиться „мирнымъ давленіемъ“, другіе же, видя, что мирнымъ путемъ ничего не добьешься, готовы прибѣгнуть къ террору, или даже къ народнымъ волненіямъ. Но и тѣ, и другіе сходятся въ одномъ. Какъ только соберется всероссійскій парламентъ, тогда — шабашъ всякимъ волненіямъ. Парламентъ самъ все разберетъ. Совсѣмъ, какъ бабушка Ненила въ стихахъ Некрасова:

„Вотъ пріѣдетъ баринъ: баринъ насъ разсудитъ,
Онъ сейчасъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу“, думаетъ старушка.

И чуть что, старъ и младъ твердятъ въ одинъ голосъ:
„Вотъ придетъ парламентъ: онъ ужъ все разсудитъ.“
И лѣсомъ, и землицей всѣхъ наградитъ, кого нужно...

Вотъ это-то и есть самый ужасный самообманъ. Чего народъ *самъ* не возьметъ, того не дадутъ ему ни царь, ни парламентъ!

* * *

Мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, что между самодержавіемъ и конституціонной монархіей или республикой нѣтъ никакой разницы: это было бы невѣрно. Но мы всѣми силами возстаемъ противъ тѣхъ усыпителей, которые хотятъ увѣрить русскій народъ, что лишь бы назначить себѣ новаго барина — Законодательное Собраніе — и оно такъ вотъ и примется упразднять вѣковыя неправды, рукой сниметъ нищету русскаго народа.

Разницу между монархіей, и тѣмъ болѣе имперіей, и республикой мы отлично знаемъ; но мы знаемъ также, въ чемъ онѣ схожи, особенно, когда дѣло коснется рабочаго и крестьянина. Мы прекрасно знаемъ и видимъ на опытѣ, что въ республикѣ государственная власть бываетъ слабѣе, чѣмъ въ монархіи, — и мы вовсе не пренебрегаемъ тѣмъ, что звѣрю хоть сколько нибудь когти подрѣзаны. Но мы знаемъ также, какъ сильны еще эти когти, и какъ усердно звѣрь охраняетъ капиталиста. Мы знаемъ также, что въ республикѣ, по крайней мѣрѣ, однимъ предразсудкомъ меньше — подрывается вѣра въ короля, или царя, защитника бѣдныхъ отъ богатыхъ; и мы цѣнимъ это, тѣмъ болѣе, что мы видимъ, какъ сильна до сихъ поръ, даже среди нѣкоторыхъ соціалистовъ, вѣра въ цезаризмъ, т. е. въ императора или въ диктатора, который — мечтаютъ они — возьмется проводить рабочее законодательство: дѣло Буланже не за горами.

Знаемъ мы также, что чудныя молодыя силы, погибшія, чтобы покончить съ такими гадами, какъ Плеве и Сергѣй, или какъ итальянскій король Гумбертъ, велѣвшій жарить картечью по народу въ Миланѣ, или какъ испанскій

министръ Кановасъ, пытавшій анархистовъ, — что эти геройскія силы нашли бы себѣ несравненно лучшее приложеніе въ обществѣ, избавленномъ отъ царей, королей и полицейско-поповскихъ министровъ, гдѣ борьба завязалась бы въ чистую, между рабочимъ и капиталистомъ. И мы знаемъ, наконецъ, какую безконечную вереницу лучшей русской молодежи въ сорокъ лѣтъ пожрала царская власть, раньше чѣмъ проповѣдь этой молодежи стала доходить до народа...

Все это мы знаемъ: *мы пережили это.*

Но мы знаемъ также, что народу ни одинъ парламентъ не дастъ, *и дать не можетъ* того, чего народъ самъ не возьметъ силою. Оттого Франція и стоитъ впереди всѣхъ другихъ націй въ дѣлѣ соціальной революціи, что ея народъ разрушилъ старые крѣпостные порядки силою, революціоннымъ способомъ, а не подачку получилъ отъ парламента. Даже въ самый разгаръ революціи, самъ свирѣпый Конвентъ (революціонное Народное Собраніе) казнившій предателя-короля и его семью, ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что призналъ *факты, совершенные самимъ народомъ*, безъ спроса, революціоннымъ путемъ, для уничтоженія крѣпостныхъ отношеній. Когда крестьяне, *на дѣлѣ*, уничтожили всѣ бывшія крѣпостныя (феодальныя) повинности и отняли у помѣщиковъ бывшія общинныя земли, — *тогда только* Конвентъ признался и узаконилъ совершившійся фактъ. Тоже самое въ Англіи. Она покрыта развалинами старинныхъ замковъ удѣльной и помѣщичьей аристократіи.

Но спросите, кто разрушилъ эти крѣпости помѣщичьяго ига, и вамъ скажутъ: „шайки Кромвеля,“ т. е. шайки крестьянъ, дѣйствовавшія въ его время, но ужъ конечно не Парламентъ. Мало того. Никакого серьезнаго переворота, даже въ политическомъ строѣ Англіи и Франціи не было бы совершено въ эту пору, еслибы народъ, и въ

особенности крестьяне, не принялись уничтожать революціоннымъ образомъ крѣпостной строй, какъ въ области экономической, такъ и области политической.

* * *

Вотъ почему такъ важно намъ сознать, что Россія вступаетъ въ періодъ *революціи*, а не простой перемѣны правленія.

Несомнѣнно, что государственная власть не можетъ дольше оставаться въ рукахъ царя и его полицейско-жандармскихъ чиновниковъ. Несомнѣнно, что она скоро перейдетъ въ руки Законодательнаго Собранія, — сколько бы Романовы ни проливали крови русскаго народа. Мало того, чѣмъ больше крови народной прольетъ Николай II, тѣмъ вѣрнѣе подготовитъ онъ переходъ отъ имперіи къ республикѣ.

Но если бы Россіи удалось даже провозгласить у себя черезъ нѣсколько лѣтъ федеративную республику, какъ Соединенные Штаты, — то и тогда эта республика была бы пустымъ звукомъ безъ содержанія, и конечно не могла бы удержаться, если бы русскій народъ не воспользовался этимъ политическимъ переворотомъ, чтобы въ тоже время *въ корень измѣнить условія своей хозяйственной жизни.*

Чѣмъ бы ни закончился предстоящій намъ политическій переворотъ — конституціей или республикой, мы знаемъ одно: *русскій народъ не долженъ болѣе голодать.* Пора положить этому конецъ, *навсегда.* — Пора крестьянину, прежде всего, самому питаться тѣмъ хлѣбомъ, который онъ выростилъ, не спрашиваясь у господъ помѣщиковъ, купцовъ и чиновниковъ, сколько они положатъ ему мякины за его труды. Пора ему стряхнуть съ себя крѣпостныя путы, — а ихъ още много осталось съ 1861-го года, и много новыхъ наросло. Пора мастеровому и фабричному рабочему выйти изъ теперешняго рабства, и

стать вольнымъ человѣкомъ и собственнымъ хозяиномъ. Давно пора! Но никто, никто этого не сдѣлаетъ, никто не станетъ благодѣтельствовать крестьянину и рабочему, пока они сами не возьмутъ себѣ должнаго своею собственною силою.

Пусть люди, вѣрующіе въ цѣлебную силу парламентовъ засѣдаютъ въ нихъ и съ важностью разсуждаютъ о томъ, какъ сдѣлать, чтобы волки-помѣщики и шакалы-капиталисты были сыты, и овцы-крестьяне и рабочіе были цѣлы. Этою хитрою механикою мы не намѣрены заниматься. Въ парламентахъ намъ дѣлать нечего. „Новымъ барономъ“ мы быть не хотимъ. — Наша работа не съ ними. Она — въ народѣ, съ народомъ.

Она будетъ въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ, большомъ и маломъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ и на дѣлѣ, уничтожать экономическое и политическое рабство. Брать на себя починъ этого уничтоженія тамъ, гдѣ общее сознаніе еще не дошло до него, будить бунтовской духъ въ народѣ; пробуждать въ каждомъ сознаніе своей силы, духъ личной независимости, и сознаніе равенства всѣхъ. Помогать народу вооружаться, отнимать землю у хищниковъ, завладѣвшихъ ею, и отдавать ее назадъ народу; брать фабрики, заводы, рудники, угольныя копи — и помогать рабочимъ устраивать ихъ разработку на вольныхъ, артельныхъ началахъ. И, гдѣ только возможно будетъ, провозглашать Народную Общину — Коммуну, — для пользованія домами, общественными зданіями и всѣмъ наличнымъ богатствомъ города или области на общинныхъ началахъ. Однимъ словомъ — вмѣстѣ съ народомъ, на дѣлѣ и на мѣстѣ идти на завоеваніе лучшаго будущаго — вотъ задача, предстоящая всякому искреннему революціонеру. Такъ понимаютъ свою задачу анархисты.

Великая революція происходитъ въ Европѣ, приблизительно, черезъ каждыя сто лѣтъ, — всякій разъ въ

другой странѣ (Нидерланды, Англія, Франція); причемъ каждая революція стремится провести въ жизнь и расширить то, что намѣтила предыдущая.

Будемъ же помнить, что великая французская революція уже ставила у себя слѣдующую задачу: вернуть землю народу и признать право каждаго на землю и на безбѣдное существованіе (о фабрикахъ и заводахъ тогда мало говорили, такъ какъ онѣ были едва только въ зачаткѣ). И если французскому народу не удалось тогда-же провести въ жизнь „земельный законъ" и „уравнять людей въ имуществѣ", какъ тогда выражались, — то не потому, чтобы народъ не понималъ необходимости равенства экономическаго. Онъ прекрасно понималъ его, всегда понималъ не хуже нашихъ соціалистическихъ писателей. Помѣшала-же этому война, объявленная противъ революціи всею Европою, а въ особенности буржуазно-аристократическою Англіею. Санъ-кюлотамъ пришлось сражаться за самое право на революцію. Грудью и кровью имъ пришлось отстаивать даже то, что они уже отвоевали у господъ. Иначе и въ этомъ направленіи французскій народъ уже прокладывалъ новые пути. Образъ соціальной революціи уже тогда складывался въ умахъ французскихъ рабочихъ и крестьянъ.

Но то, чего не додѣлала тогда французская революція, предстоитъ додѣлать намъ, разъ на нашу долю выпало, по ходу исторіи, — на другомъ краю Европы, и вѣкъ спустя, продолжать великое дѣло народнаго освобожденія на началахъ истиннаго равенства, истинной свободы и дѣйствительнаго братства.

П. Кропоткинъ.

Библ... Академии Наук СССР